

История 2013-2023

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 2 (124) Том 14 - Советская античность | Историк и текст.
2023

«Рабовладение 1.0»: концепция рабовладельческого строя на древнем Востоке в работах В. В. Струве 1933—1934 гг. и ее судьба

Ладынин Иван Андреевич

МГУ им. М. В. Ломоносова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Российская Федерация, Москва

Аннотация

В статье подробно рассматривается аргументация в пользу тезиса о существовании на древнем Востоке рабовладельческого способа производства, выдвинутого ведущим советским востоковедом В. В. Струве (1889—1965) в докладе в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) 4 июня 1933 г. и в ряде публикаций 1934 г. Само выдвижение этого тезиса и обоснование его на материале Ближнего Востока в рамках масштабной схемы, противопоставленной взглядам Эд. Мейера, отвечало задачам работы Струве в ГАИМК, в частности, сохранившемуся плану его работы на 1933 г. Согласно Струве, на этапе генезиса государства и цивилизации в ирригационных обществах Египта и Месопотамии возникало так называемое «коллективное рабство», когда принадлежащие сельской общине в целом рабы были заняты на строительстве ирригационных сооружений. Далее развивалось индивидуальное частновладельческое и латифундиальное рабство, причем последнее сложилось уже в Месопотамии III династии Ура и в Египте Нового царства. В I тысячелетии до н. э. уровень развития рабства в Месопотамии и Египте был сопоставим с античными обществами. Начиная со II тысячелетия до н. э. Струве отмечает на древнем Ближнем Востоке ряд рабских восстаний и констатирует, что гибель его общества была вызвана, как и на Западе, «революцией рабов». В целом в схеме Струве значимо подчеркивание высокого уровня развития рабовладения на древнем Ближнем Востоке и уподобление его социальных реалий реалиям античности. В дальнейшем эта черта исчезает из его работ, видимо, в силу

определенного запроса на презентацию древневосточных обществ как стадияльно предшествующих античным, в соответствии с общей тенденцией мировой науки.

Ключевые слова: В. В. Струве, древний Восток, Египет, Месопотамия, античность, рабовладение, Эд. Мейер

Дата публикации: 15.03.2023

Источник финансирования:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-09-41014 «От Святой Земли до рабовладельческой формации: история Древнего Ближнего Востока в российской исторической науке XX в.»).

Ссылка для цитирования:

Ладынин И. А. «Рабовладение 1.0»: концепция рабовладельческого строя на древнем Востоке в работах В. В. Струве 1933—1934 гг. и ее судьба // История – 2023. – Том 14. – Выпуск 2 (124) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/S207987840024494-2-1> (дата обращения: 30.10.2023). DOI: 10.18254/S207987840024494-2

¹ Нет сомнений, что, оценивая научную деятельность В. В. Струве в начале 1930-х гг., приходится принимать во внимание мощное воздействие, которое на нее оказывал идеологический фактор (в целом предопределивший окончательную трансформацию парадигмы отечественной историографии из фактографической¹ в концептуалистскую)². Думается, что максимально грубо и зримо оно проявилось в статье «Египет. Древняя история (до арабского завоевания)», которая была написана им для БСЭ в 1931 г. и опубликована в ее 24 томе в 1932 г.³ Если расхожее клише «вульгарный социологизм» следует применять к какой-то из работ Струве, то именно к этой статье, выдержанной в духе концепции феодализма на древнем Востоке, которая возобладала в дискуссиях рубежа 1920—1930-х гг. Как мы уже отмечали, в ней, например, события I Переходного периода оцениваются по аналогии с чисто медиевистическими моделями (союза между монархами и городами против крупных феодалов), а в совершенно фантомном тезисе о монополии египетского фараона на внешнюю торговлю угадывается влияние авторитетной тогда концепции «торгового капитализма» М. Н. Покровского⁴. Представленная в этой статье схема настолько иллюзорна и полна натяжек, что невольно возникает вопрос, как Струве, все же остававшийся ученым и знавший цену реальным исследованиям, мог ее написать. По-видимому, объяснение этому может быть только одно: в начале 1930-х гг., когда не только начался подлинный идеологический прессинг на гуманитарную науку, но и его практическим «подкреплением» стало «академическое дело»⁵, Струве считал возможным уплатить любую, сколь угодно нелепую дань ради собственного сохранения в науке и продолжения своей работы, полагая, что те, кто находится внутри науки,

сочтут такой компромисс оправданным, а те, кто стоят вне нее, не поймут абсурдности выдвигаемой им схемы.

² Вместе с тем в 1932 г. Струве оказался сравнительно защищен своим положением сотрудника (сначала неформального, а затем штатного) привилегированного учреждения — Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) — и оказался перед необходимостью выполнять уже совершенно иной в концептуальном плане заказ, обосновывая существование на древнем Востоке рабовладельческого способа производства⁶. Документы ГАИМК показывают, что работа в этом направлении резко ускорилась после знаменитой речи Сталина 19 февраля 1933 г., озвучившей тезис о «революции рабов»⁷, и соответствующих указаний руководства ГАИМК сектору рабовладельческой формации. Когда на их основании была активизирована работа существовавшей в его составе специальной бригады по изучению способа производства, то Струве 25 марта 1933 г. представил план работы в ней, который, по его значению на обозримую перспективу его исследований, можно считать программным. Этот документ мы публикуем отдельно⁸, а сейчас остановимся лишь на основных его положениях, важных для нас в связи с дальнейшим.

³ Примечательно, что основной антитезой собственных построений Струве считал не теории «азиатского способа производства» или феодализма на Востоке, выдвигавшиеся в советских дискуссиях конца 1920-х гг. — начала 1930-х гг.⁹, а циклистскую концепцию Эд. Мейера. В плане фактографии он говорил о намерении освоить новый для него материал источников по хеттскому обществу, Финикии и древнему Израилю, но более существенно, какие именно теоретические тезисы он планировал обосновать. Струве намеревался оспорить «Тезис о противопоставлении рабовладельческого Запада крепостническому Востоку, который был таковым в течение всей своей истории» и в частности о том, что условия существования городской промышленности и торговли «оставались там всегда почти одни и те же». Особой своей задачей он считает выяснение значения термина *мушкенум* в Законах Хаммурапи: по мнению Струве, «мушкену были “покоренными” жителями шумерийских городов, сохранившими свою свободу, но являющимися менее привилегированными, чем вавилонцы»¹⁰. По словам Струве, «Этот вывод» он намерен использовать и для «определения формации хеттского общества», однако, по сути дела, он кажется нужным для другого: ученый элиминирует допущение, что *мушкенум* могли быть какой-то особой категорией старовавилонского общества, отличной от его основных классов рабовладельцев и рабов, и показывал, что фактически они должны относиться к числу первых. Однако в особенности под прицел Струве попадал тезис Мейера о том, что «...на Востоке вовсе нет той интенсивной потребности в рабах и той жадной погони за людьми, которые так характерны для позднейшей римской республики» (у[казанное] с[очинение]. С. 31)¹¹. Примечательно, что нацеленность войн на приобретение рабов в это время, видимо, вообще расценивалась как признак высокого развития рабства: так, в предисловии к «итоговой» «Истории древнего мира», издававшейся ГАИМК в середине 1930-х гг., С. И. Ковалев говорит об «огромной гипертрофии рабства военнопленных» в

Риме¹². По этому поводу Струве пишет следующее: «Я подбираю материал, который доказывает, что и древн[ий] Восток знал погоню за людьми (финикийцы, египтяне, ассирийцы, хетты и другие) не меньшую, чем то, [что] знала Греция. Правда, она не была столь жадная, как в последние века Римской республики, но в этом отношении надо противопоставить Рим не только Востоку, но и Греции. В этом максимальном развитии рабовладельческой формации на Западе Средиземноморья (Карфаген и Рим) лежит причина более полного преодоления ее на Западе и возникновения здесь феодализма, не отмеченного рудиментами рабовладельческой формации, как в Греции (Византия) и [на] Восток[е] (Ирак в эпоху Халифата)».

4 Обратим особое внимание на этот полемический прием, который встретится нам в построениях Струве и далее: те историки древности, которые противопоставляют Восток Западу, в том числе, очевидно, и Мейер, недооценивают, что и на Западе древнее общество неоднородно. Развитие рабства в Риме, обычно принимаемое за эталон, который используется для обоснования его отсутствия в других странах, прежде всего на Востоке, на самом деле таковым не является, ибо в Риме характерные черты рабства не просто выявлены, а гипертрофированы. Напротив, если признать, что древняя Греция по уровню развития рабства стоит ниже Рима, то укрепятся основания считать и древний Восток, коль скоро рабовладельческие отношения там выявятся, не чем-то существенно иным стадияльно или типологически по сравнению с античным миром, а лишь вариацией той единой модели, которая встречается в древности повсеместно.

5 Наконец, поскольку тезис Сталина о «революции рабов» актуализировал изучение рабских восстаний в древности и в планах ГАИМК стояло проведение специального пленума по этой теме¹³, Струве буквально взял на себя «повышенные обязательства» по выявлению таких эпизодов в истории древнего Востока. Он дополнил уже очерченную им ранее картину «социальной революции» в Египте конца Среднего царства (по принятой им датировке, ок. 1750 г. до н. э.)¹⁴ интеграцией в нее рабского восстания: «...могу сказать, что Египет знал восстания рабов в период перехода от Среднего царства к Новому царству, когда рабы-иноплеменники воспользовались борьбой между зажиточной верхушкой и свободной беднотой»». Однако этим, по его мнению и согласно плану его работы, дело не ограничивается: «В конце XIX дин[астии] мы узнаем о втором восстании рабов, поставившем египетское государство на край гибели. Восстания рабов знает и Финикия (Тир) и Карфаген. Может быть, о восстании рабов повествуют нам и анналы хеттских царей».

6 Реализацией этого плана стали знаменитый теоретический доклад В. В. Струве в ГАИМК 4—5 июня 1933 г. «Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока»¹⁵, публикация его текста¹⁶, а также брошюра 1934 г. «Очерки социально-экономической истории древнего Востока», посвященная особенностям рабства в древнейшей Месопотамии и в Хеттском царстве¹⁷. Доклад 1933 г. становился предметом

историографического исследования не раз¹⁸, в том числе в последнее десятилетие — в работах С. Б. Криха, уделившего большое внимание приемам построения Струве своей аргументации¹⁹. Вместе с тем, на наш взгляд, текст этого доклада все еще недостаточно «прочитан», и в связи с рядом моментов, играющих в построениях Струве интегрирующую роль, можно добавить достаточно много.

7 Прежде всего, легко заметить, что отправным пунктом этих построений является заявка на полемику с Эд. Мейером. Струве начинает с противопоставления «всемирноисторической точки зрения основоположников марксизма», согласно которой в истории классового общества выделяются три формации («рабство, крепостничество и капитализм») и концепции, исходящей «из данных исторического развития одной лишь романо-германской Европы», которая «говорит только о двух разделах: о феодализме и капитализме» (С. 32)²⁰. Имя Мейера не звучит в этой связи в основном тексте доклада, однако в соответствующем примечании он упомянут как основоположник теории циклизма (повторяющейся смены во всемирной истории этапов «феодализма» и «капитализма»), которая, в принципе, достаточно оправдано названа «доминантной в современной буржуазной историографии» (ее представителем Струве называет своего давнего учителя М. И. Ростовцева²¹; С. 90—91. Прим. 2). Довольно ожидаемым образом Струве прежде всего обращается к «классикам марксизма», которые, по его мнению, хотя и противопоставляли определенным образом древний Восток и античность, но все же объединяли их в рамках общего понятия древности, высшим этапом которой было именно «греко-римское общество» (С. 32—33)²². Однако, коль скоро древность для классиков марксизма была едина, то и ее социально-экономический строй должен был быть един, притом что им, согласно ряду высказываний Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, было рабство (С. 33—34). Однако эта апелляция к «классикам» занимает в публикации доклада Струве в общей сложности менее двух страниц и служит все же не столько реальным аргументом, сколько иллюстрацией к постановке проблемы.

8 Оригинальным моментом в схеме Струве является тезис о коллективной собственности сельских общин в древнейших обществах Месопотамии и Египта на рабов, который не имел фактического подтверждения в источниках и выдвигался на основе чисто логического построения. По мнению Струве, потребность в рабстве возникала из потребности таких ранних общин в ведении ирригационных работ, которые требуют большой концентрации рабочей силы: при этом «Войны давали немалое количество рабов», и оно и оказывалось при этом востребовано. Ирригационные работы велись совместно не просто членами одной общины, а объединениями целого ряда «родовых общин», которые «объединялись в одну большую территориальную общину, племенной союз, путем договора, а отчасти путем завоевания» (С. 36). Функцией таких объединений становилось уже не только осуществление ирригации, но и неразрывно связанное с этим подчинение большого числа рабов, и таким образом, по точному смыслу марксистского определения государства, «племенная община заменяется

первичным рабовладельческим государством». По мнению Струве, при этом формировалась и «общинная форма государственной собственности на землю» (С. 37). Уже в этих формулировках угадывается аналогия с греческими полисами, в общей собственности которых могла находиться не только земля, но и рабы (например, в Спарте); и эта аналогия становится совершенно очевидной, когда Струве переходит к разговору о храмовых хозяйствах в древнейших государствах Востока. По публикации доклада и в особенности по первой части брошюры 1934 г., посвященной рабству в Шумере, заметно, что Струве была доступна сравнительно новая на то время работа А. Шнайдер: согласно ней экономика шумерского города была основана на сосуществовании храма, правителя и местной общины, в котором храм безусловно доминировал²³. Используя фактический материал этой работы, Струве иначе оценил соотношение этих секторов: «Храмы вместе со своими угодьями, скотом и рабами находились в коллективном владении этих территориальных общин. Это был своего рода “агер публикус”, которым члены территориальных общин владели совместно и который они сообща обрабатывали» (С. 39). Подобная ситуация, по его мнению, наблюдается не только по хозяйственным документам Шумера, но и по египетским надписям Древнего царства и I Переходного периода. Термин «агер публикус» повторяется в схожем контексте еще один раз, когда речь заходит о тех общих нуждах «территориальной общины», потребность в которых покрывал этот сектор («покрытие расходов по ирригационной сети», «жертвенные дары», выдачи работникам, занятым в этом секторе, как свободным, работавшим в нем временно, так и рабам: С. 42—43). Таким образом, по мнению Струве, рабство возникает на специфических «угодьях», которые необходимы древневосточной общине в условиях ирригационной экономики для того, чтобы обслуживать основную деятельность ее членов на имеющихся у них индивидуальных участках земли.

⁹ Подобная модель, в рамках которой государство фактически представляет собой общину, а земля в нем делится на индивидуальные участки и общие угодья, берется, конечно, из реалий античного полиса²⁴. При этом на ее использование Струве не могла оказать влияние знаменитая рукопись Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству», где термин *ager publicus* (обозначение земель, находившихся в формальной совместной собственности римской гражданской общины), с отсылкой к знаменитому романисту XIX в. Г. Б. Нибуру, активно используется для характеристики коллективных угодий в древних обществах, в особенности в рамках т.н. античной формы собственности²⁵. Ссылок на этот текст в докладе Струве нет, да и вообще он стал известен и превратился в канонический для советской науки о древности не ранее конца 1930-х гг.²⁶ Обратим, однако, внимание, что в дальнейшем экономика древнейшей Месопотамии представлялась состоящей из двух секторов («общинно-частного» и изначально обслуживавшего его «государственного») также и И. М. Дьяконову²⁷. Кроме того, Струве неоднократно высказывает мысль, что «вспашка земли» (в том числе и на храмовых полях) была исключительной обязанностью свободных общинников, поскольку «для этого труда оплодотворения земли считались достойными в ту эпоху лишь одни свободные» (С. 41): религиозными мотивами он объясняет отсутствие изображений рабов в

сценах земледельческих работ в гробницах египетских вельмож времени Древнего царства (С. 44). При этом Струве произносит симптоматичные слова: работавшие на полях свободные крестьяне «владели орудием производства, которое трудно было доверить рабу» (С. 45). В этом контексте он имеет в виду собственно поля и обслуживающую их ирригационную сеть; однако по самой своей форме его слова сильно напоминают высказывание того же Дьяконова о том, что в ранней древности «дать пленным воинам медные кирки, лопаты или мотыги часто было опасно, разве что поставить по два — три воина сторожить каждого раба»²⁸, и потому максимальная рабовладельческая эксплуатация оставалась на этом этапе неосуществима. Обращает на себя внимание само схождение у двух ученых, находившихся между собой в весьма сложных отношениях²⁹, тезиса об отстранении рабов от определенных средств производства как важном факторе социальных отношений древнейших обществ. Правда, мистифицирующую «религиоведческую» интерпретацию Струве Дьяконов заменил своей «индустриальной», тоже не очень правдоподобной: что это за воины, которые, пусть даже и в условиях медно-каменного века, лишь вдвоем — втроем справятся с рабом с лопатой в руках? Однако весьма вероятно, что построения Струве, с которыми Дьяконов впервые познакомился на самом его знаменитом докладе, оказали на него большее влияние, чем он сам решился бы признать³⁰.

¹⁰ Первоначальная коллективная собственность на землю и рабов с течением времени сменяется частной — вследствие как расслоения и разложения общины, так и захвата храмовых хозяйств правителями. Струве говорит о двух возникающих вследствие этого явлениях — крупных латифундиях, обрабатываемых трудом рабов, и широком распространении частновладельческого рабства. В Шумере эти явления наблюдаются уже при III династии Ура в XXI в. до н. э. и знаменуют уже «Установление развитого рабовладельческого общества» (С. 58). В Египте частное рабовладение было, по мнению Струве, широко распространено уже в I Переходный период (XXIII—XXI вв. до н. э.; С. 67³¹), однако латифундии там появляются лишь в эпоху Нового царства (XVI—XI вв. до н. э.)³². Струве чрезвычайно охотно употребляет термин «латифундия»: конечно, для него характерен и анахронистичное, несколько эмоциональный смысл, когда он может обозначать хотя бы и обширные владения русских помещиков. Однако в своем собственном значении он имеет совершенно определенные коннотации: латифундия — это крупное поместье в древнем Риме, причем в отечественной историографии вплоть до работ В. И. Кузицина прочно держалось мнение, что именно этот тип поместий был основной ячейкой рабовладельческой эксплуатации³³. При этом Струве ухитряется постулировать вполне фантастическую и, кажется, пока не обсуждавшуюся в историографических исследованиях линию «генетической преемственности»: «Создавшееся в эпоху Нового царства латифундиальное хозяйство Египта, может быть, стоит и в некоторой генетической связи с латифундиальным хозяйством Вавилонии... В свою очередь, египетские латифундии, кажется, оказали воздействие на одно из соседних в Египтом обществ. По крайней мере, М. Вебер высказывает предположение, что этот латифундиальный строй царских поместий Египта оказал влияние на образование латифундиального хозяйства Финикии и Карфагена, а

через это и Запада» (С. 75). Далее следует обширная цитата из «Аграрной истории древнего мира» Вебера, на которую, по словам Струве, «сторонники феодализма в Египте часто ссылаются, как на один из авторитетных аргументов» (см. также: С. 108, прим. 250 а³⁴): автор доклада явно продолжает демонстрировать, в духе своей заявки на полемику с Мейером, что его построения соотносятся с важнейшими направлениями мировой науки. Однако само постулирование такой «генетической преемственности» от Египта Нового царства к Риму, предполагавшей имплицитно, что и уровень развития рабства во всех обществах, «дозревших» до фазы латифундии, должен быть сопоставим, содействовало обоснованию принципиального единства рабовладельческой модели по всей ойкумене.

¹¹ Сейчас мы воздержимся от обсуждения хорошо известной аргументации Струве по поводу того, что царские хозяйства III династии Ура были именно рабовладельческими, а их работники (КАЛЬ / гуруши) — именно рабами³⁵; однако, оценивая численность рабов, обозначаемых этим термином, в документах I Вавилонской династии, Струве оказывается перед фактом того, что максимальное упоминаемое в них число — это 26 рабов. На выручку приходит уже обозначенное в плане его работы на 1933 г. противопоставление в рамках античного общества «гипертрофированного» развития рабства в Риме более ограниченному в Греции. Со ссылкой на Платона (правда, без указания конкретного пассажа в его текстах) Струве утверждает, что «50 рабов в Греции считалось большим количеством», да и вообще цифры в 600 или 1000 рабов в той же Греции засвидетельствованы не в документах, а в литературных источниках, и, дойди они до нас от старовавилонского времени, мы бы тоже их обнаружили» (С. 62). Греческая модель выручает Струве и при оценке правоспособности рабов по Законам Хаммурапи: по его мнению, «аттическое рабское право» ближе к древневосточному, признающему за рабами определенных категорий возможность иметь семью и движимое имущество, чем к исключаяющему это римскому праву (С. 61). В связи с Законами Хаммурапи Струве придает окончательную формулировку и намеченному им в плане работы пониманию термина мушкенум как обозначения членов городских общин, подчиненных Вавилону и поэтому неполноправных: обозначаемые им люди «являются также частью эксплуатирующего класса, как и граждане городских общин, подчиненных Афинам или Риму» (С. 60).

¹² Конструирование не только Струве, но и его последователями среди ленинградских египтологов образа рабского восстания в Египте конца XIX династии (конец XIII в. до н. э.), на основе свидетельства исторической части «Большого папируса Харрис» (pHarris I. 75.4—5) о деятельности некоего «сирийца Ирсу», — любопытный историографический сюжет, уже изученный нами отдельно³⁶. Однако в своем докладе Струве дал, так сказать, методическое обоснование для этой интерпретации: он сослался на «положение, которое было намечено С. И. Ковалевым и в особенности подчеркнуто О. О. Крюгером на античном материале» и согласно которому «восстание рабов, где ведущей силой являлись они, а не обедневшие свободные, возникает в тесном контакте с варварскими племенами, окружавшими античные рабовладельческими

государствами» (С. 76—77). Речь в данном случае явно идет о постулатах, выдвинутых антиковедами ГАИМК на ее майском пленуме 1933 г., посвященном рабским восстаниям, и при подготовке к нему³⁷. По мнению Струве, пресловутый «сириец Ирсу» и должен был быть чужеземным рабом, поднявшим восстание, которое было поддержано свободными египтянами и «нанесло рабовладельческому обществу, сложившемуся в долине Нила, удар, от которого оно оправиться уже не смогло» (С. 81). При этом ученый, с одной стороны, обосновывает рабский статус Ирсу (поскольку «среди воинов-иноземцев сирийские элементы играли очень незначительную роль», то Ирсу обязательно должен был быть рабом: С. 78), а с другой, едва доведя до конца это рассуждение, говорит, что ядром восстания, «вокруг которого могли группироваться восставшие рабы», могли быть чужеземные наемные воины на службе Египта; их он сравнивает с гладиаторами, составлявшими «ядро спартаковского восстания». Таким образом, две антиковедческие модели: одна недавняя, выдвинутая учеными ГАИМК, другая гораздо более яркая, как будто восходящая к популярному в СССР 1930-х гг. роману Джованьоли — как будто конкурируют при конструировании Струве этого сюжета. Гораздо короче, лаконичными ссылками на сообщения античных источников, обозначены восстания рабов в Тире и Карфагене, призванные продемонстрировать широкое распространение этой формы социальной борьбы (С. 82—83); пожалуй, стоит заметить, что восстание наемников в Карфагене 240—238 гг. до н. э., участие в котором рабов отмечает Струве, опять же хорошо известно не только по свидетельствам источников, но и по роману Флобера «Саламбо».

¹³ Наконец, особое место в схеме Струве занимает Ближний Восток I тысячелетия до н. э. Если Шумер III династии Ура и Египет Нового царства достигли уровня развитого рабовладения, представленного латифундиями, то на этом этапе «возникает подлинный “мировой рынок”, в который включаются все древневосточные общества... Денежное хозяйство пышно расцветает» (С. 83). Довольно очевиден источник такой оценки данного этапа: это, безусловно, суждения Эд. Мейера, подчеркивавшего в полемике с К. Бюхером динамизм в развитии древнего и, в частности, древневосточного общества³⁸. Нарастает число аналогий, проводимых Струве между древним Востоком на этом этапе и античностью: он не проходит мимо ограничивающих долговое рабство египетских законов Бокхориса, которые заимствовал для Афин Солон, сравнивает откупщиков вавилонского торгового дома Мурашу в ахеменидское время и римских откупщиков налогов (С. 83—84). Общей тенденцией I тысячелетия до н. э., согласно Струве, является пауперизация свободного населения: ее он констатирует, в частности, со ссылкой на исследования поздневавилонского общества Б. Мейснером (С. 86, 110, прим. 297)³⁹, и в принципе это суждение аналогично тезису о фактическом исчезновении на Ближнем Востоке в эпоху имперской древности свободной сельской общины, который сформулирует много позже, хотя и с учетом иных факторов И. М. Дьяконов⁴⁰. Однако в результате этого на первый план в экономике Позднего Вавилона выходит труд не свободных, а именно рабов: по оценке Струве, здесь «рабство успело овладеть производством в весьма значительной степени», и это позволяет Струве прямо сравнить

Вавилонию I тысячелетия до н. э. с «античным рабовладельческим обществом» (С. 86)⁴¹. При этом Струве, конечно, вынужден иметь дело со специфическими ситуациями высокой хозяйственной самостоятельности рабов; однако их он описывает при помощи позднеантичных терминов пекулия и эмфитевсиса, подчеркивая, что большинство рабов «продолжали, как и раньше, оставаться оторванными от средств производства» (С. 87).

¹⁴ Наконец, характеризуя финал рабовладельческого способа производства на Востоке, Струве констатирует сближение положения «бедного свободного и раба», которые в первые века н.э. в равной степени оторваны от средств производства и «начинают теперь прикрепляться к ним волей господствующего класса». «На Востоке разворачивается, как и на Западе, “революция рабов”», принимающая форму многочисленных восстаний (С. 88), а в чисто экономическом плане ранее рабовладельческие латифундии превращаются в поместья, где сидят на парцеллах «крепостные». При этом Струве четко повторяет свою мысль, намеченную в его плане работы на 1933 г.: «кризис рабовладельческого хозяйства Запада — Италии, Сицилии и Африки [как видно, даже не всех западных провинций Римской империи! — *И. Л.*] — был вызван чрезмерно гипертрофированным ростом рабовладения». Такого роста не знал не только Восток, но и Греция, и поэтому здесь рабство «продолжало существовать в качестве мощного уклада в недрах уже сложившегося феодального общества».

¹⁵ Если опубликованный текст доклада Струве действительно несет в себе многие черты устного выступления, то брошюра «Очерки социально-экономической истории древнего Востока» явно писалась как монографический (правда, очень небольшой) труд, развивающий конкретные сюжеты, намеченные в этом докладе, а также ранее в плане работы на 1933 г. Из двух частей этой брошюры — «Рабство в древнейшем Сумире» и «Хеттское общество, как тип военного рабовладельческого общества» — наиболее существенна вторая, в которой Струве выполнил принятое на себя обязательство освоить материал Малой Азии⁴². Понятно, что под «военным рабовладельческим обществом» он понимает общество, ориентированное на захват рабов-военнопленных, и здесь он продолжает полемику с тезисом Мейера о том, что древний Восток не знал «интенсивной потребности в рабах» и «жадной погони за рабами»⁴³. По мнению Струве, тезис Мейера опровергается целым рядом источников, начиная с египетской додинастики; но именно в этой брошюре он разбирает системно сообщения хеттских царей о захвате пленных и материал Хеттских законов по статусу военнопленных и рабов. При этом, столкнувшись со свидетельствами сравнительно высокого фактического положения рабов, в частности, их права на брак со свободными женщинами, Струве вновь трактует их по аналогии с античным материалом: «Подобные брачные союзы были немислимыми в высокоразвитом рабовладельческом обществе Рима, хотя и имели место в других рабовладельческих обществах, например, в Вавилонии, на Крите, согласно Гортинскому праву»⁴⁴.

¹⁶ Думается, уже понятен принцип, по которому мы аннотировали данные работы В. В. Струве: приведенные нами их положения наглядно показывают, что

модели, по которым ученый формировал свою схему развития рабовладения на Востоке, были заданы античным материалом. Укажем еще раз на важнейшие «узлы» этой схемы: коллективная собственность ранних «территориальных общин» на землю, ирригационные сети и рабов аналогична собственности полиса на *ager publicus*, причем сами эти общины конституируются, как и полисы, в государства рабовладельцев, подавляющие рабов; в некоторых региональных государствах Ближнего Востока имела иерархия соподчиненных общин, как в Афинском морском и в римско-италийском союзах (Вавилон и мушкенумы в понимании Струве); тип развитого рабовладельческого хозяйства во всех древних обществах принципиально один и тот же — латифундия, как в важнейших сельскохозяйственных областях Рима; древний Восток знает «погоню за рабами» так же, как и античность, хотя, может быть, в меньших масштабах; логика возникновения рабских восстаний на древнем Востоке в принципе та же, что и в античном мире; в I тысячелетия до н. э. как древний Восток, так и античный мир приходят к ситуации, в которой рабский труд оказывается важнее свободного; гибель рабовладения на Востоке происходит вследствие «революции рабов» и трансформации латифундий, как и на Западе. При этом схема Струве удовлетворяла важнейшему требованию, предъявляемому к схемам такой протяженности: она намечала закономерные этапы в развитии характеризуемого ею процесса (раннее «коллективное рабство» в обществах, непосредственно выросших из первобытности, — развитое рабовладельческое общество в Месопотамии с конца III тысячелетия до н. э. и в Египте с середины II тысячелетия до н. э. — «сверхразвитое» рабовладение в условиях сложения «мирового рынка» I тысячелетия до н. э.). Само же моделирование древневосточного общества по античным образцам вовсе не предполагало, что, грубо говоря, по мнению Струве, «в древности везде была античность»: в этом смысле были важны отказ в статусе общепризнанного эталона римскому рабовладельческому обществу и констатация многообразия форм рабовладения также и в античном мире. Фактически Струве исходил из того, что в древности вообще нет какой-то единственной «правильной» модели эксплуатации и статуса рабов: есть в принципе схожие законы формирования и функционирования обществ, которые в каждом регионе проявляются в конкретной форме. Чем именно древневосточные общества отличаются по объективным условиям своего существования от античных, Струве так и не сформулировал; однако стоит заметить, что в структуре рассмотренных нами его работ для этого, по сути дела, не находится места, а «главный труд своей жизни», где рабовладельческая концепция могла бы получить всестороннее обоснование, Струве, по справедливому замечанию С. Б. Криха, так и не написал⁴⁵. В то же время по крайней мере два фундаментальных момента явствуют и из этих его работ: античные общества сложились гораздо позднее древневосточных, и их экономика не была ирригационной. В целом же теоретическая схема Струве построена искусно, и ее вообще можно было бы признать удачной, не будь в ней шаткими многие ее фактографические основания и весьма высокой доля допущений.

17 Обратим еще раз внимание на следующий момент: Струве практически не упоминает в своих работах 1933—1934 гг. специфически советских дискуссий о природе восточных обществ, ссылаясь на западных авторов и полемизирует

прежде всего с ними (показательна его апелляция не только к Мейеру, классику уже прошлого поколения, но и к Веберу, стоящему гораздо ближе к современности). Дистанцироваться от прежних советских дискуссий Струве было нужно и просто для того, чтобы не напоминать лишний раз о собственном в них участии и о прежней поддержке теорий «азиатского способа производства» и феодализма на Востоке (см. его выступление в прениях по его докладу: С. 172—177)⁴⁶. Однако обращение к западной науке при, в общем, низкой доле ссылок на «классиков марксизма» явно обозначало заявку на фундаментальность, которой не хватало предыдущему этапу дискуссий об общественном строе Востока. Этим работы Струве 1933—1934 гг. качественно отличается от статьи 1932 г. в БСЭ с ее вульгарным социологизмом: писавший ее, видимо, достаточно напуганный человек теперь вполне уверен в своих позициях и заботится о большем, нежели собственная безопасность. В то же время у этого момента есть и другая сторона: научная продукция Струве явно ориентирована и на новые требования свыше, в рамках которых становится актуальным не ее вписанность в контекст партийных дискуссий, а соответствие уровню мировой науки.

¹⁸ Казалось бы, выдвинутая Струве схема имела хорошие шансы быть воспринятой в качестве официальной; и общепринятая точка зрения состоит в том, что после его доклада в ГАИМК именно это и произошло⁴⁷. На наш взгляд, это не совсем так. В этом смысле примечательно содержание уже так называемого «краткого курса» «Истории древнего Востока», изданного под авторством В. В. Струве в 1934 г. История появления этого издания описана в воспоминаниях И. М. Дьяконова: оно представляет собой конспект вузовских лекций Струве, который специально вели двое студентов (Т. Шумовский и М. Черемных), причем, по словам Дьяконова, сам «автор» не работал даже с корректурой этой книги⁴⁸. Предисловие к ней (под заглавием «К вопросу о рабстве на Востоке») написал московский антиковед А. В. Мишулин (книга вышла в московском отделении Соцэргиза), говоря в нем о востребованности концепции Струве, но в целом высказываясь весьма неконкретно⁴⁹. Не слишком конкретны и оценки древневосточного общества, представленные в самой книге. Правда, в авторском предисловии вновь появляется подробно прописанная заявка на полемику с Мейером (сторонником которого поименован и «известный историк-белоэмигрант М. М. [sic! — И. Л.] Ростовцев») ⁵⁰, а также продекларирован тезис о том, что коллективная собственность на рабов есть черта «древнеазиатского общества» как первой фазы универсальной для древности рабовладельческой формации⁵¹. Кое-что о генезисе пресловутого «коллективного рабства» говорится и в главах этой книги⁵², однако оценки разных этапов развития древневосточного общества, вполне отчетливые в докладе Струве, представлены в ней очень стерто. Более того, формулировка в авторском введении наводит на мысль, что «коллективное рабство» было особенностью «древнеазиатского общества» на протяжении всей его истории, помимо тех случаев, когда оно перерастало «в развитое рабовладельческое общество, имевшееся в Финикии, в Карфагене»⁵³; аналогий между древним Востоком и античностью в этой книге сравнительно мало. Разумеется, это можно объяснить и тем, что какие-то концептуальные моменты в

лекциях Струве студенты-стенографы просто не восприняли, а может быть, и тем, что их не проговаривал сам лектор (в своем курсе он, к его чести, явно выдвигал на первое место древневосточные реалии, а не социологическую схему). Однако подобная оценка «коллективного рабства» может иметь и другую основу: по каким-то причинам Струве понадобилось оттенить стадильную примитивность древнего Востока по сравнению с античностью (что вовсе не следовало из его доклада), и это было достигнуто (может быть, несколько торопливо) распространением особенности первого этапа его истории на всю эту историю в целом.

¹⁹ Вместе с тем практически та же ситуация повторилась и в посвященном древнему Востоку первом томе «Истории древнего мира», изданной уже на исходе существования ГАИМК и как бы подводившей итог ее деятельности, который фактически был написан Струве. В частности, в этом издании, имеющим как бы промежуточный статус между научным и учебным, не представлена хорошо продуманная Струве схема генезиса «коллективного рабства» как компонента *ager publicus* ранних территориальных общин. Поздневавилонское общество не характеризуется прямым сопоставлением с античным, а в оценке рабства этого времени преобладает выявление «нерабовладельческих» черт эксплуатации рабов на пекулии и оброке⁵⁴. Правда, была сохранена оценка общества III династии Ура как развитого рабовладельческого⁵⁵, однако она явно противоречила суждениям, которые высказал в предисловии к тому редактор издания С. И. Ковалев. «Часто мы не идем... дальше довольно неопределенного понятия “примитивного рабства”, иногда же, наоборот, слишком модернизируем Восток, изображая его по образу Греции и Рима»⁵⁶, — замечает он, по-видимому, имея в виду в последнем случае как раз Струве, в докладе которого он в свое время, в ходе его обсуждения, отметил «слишком полное сближение с греко-римской древностью» (С. 151). Собственное мнение Ковалева о специфике древневосточного общества было конкретным, но чрезвычайно широким: чертами его он назвал «большую стойкость общинных отношений и широкое развитие долгового рабства», что позволяет оценить его как «общество рабовладельческое, в его наиболее ранней, примитивной форме»⁵⁷. Корректива к схеме Струве здесь совершенно очевидна: если последний стремился показать древневосточное общество как иное по отношению к античности качественно, но не стадильно, и обнаруживающее в своем развитии принципиально те же законы, то Ковалев явно стремился «спустить» его «на ступеньку ниже».

²⁰ Можно сказать, что эта корректива была воспринята В. В. Струве: по-видимому, именно в ее духе он формирует большинство своих оценок в главах «Истории древнего мира», а в дальнейшем пишет введение к «Истории древнего Востока» 1941 г.⁵⁸ (кстати, именно в этом учебном издании была проведена экстраполяция тезиса Струве о рабовладении на древнем Востоке на материал Индии и Китая). Однако хотелось бы понять, чем объяснялась сама необходимость во введении такой коррективы. Пожалуй, существенно, что она исходила именно от Ковалева — не блестящего исследователя, но основательного знатока античных источников и состояния мировой науки. Схема, предполагавшая принципиальное

единство древнего общества и при этом фактически отводившая идею о том, что восточное общество предшествовало античности стадильно, была привлекательна, но резко расходилась с общей тенденцией науки, для которой эта идея была общепринятой, получив особенно внятное звучание в циклической концепции Эд. Мейера. Между тем тот же Струве, декларативно споря с Мейером, брал у него достаточно много (оценки не только товарности экономики I тысячелетия до н. э., но и высокого развития рабовладения в Египте Нового царства; см. выше наши прим. 32 и 38), а пиетет к Мейеру был свойственен и его оппонентам (например, И. М. Лурье⁵⁹). Отказ от указанной идеи резко наращивал неприемлемость схемы Струве и ее уязвимость для критики, притом, что, как мы уже сказали, сам «заказ», в рамках которого была выполнена эта схема, как раз содержал расчет на ее приемлемость в рамках мировой науки. Возможно, имел значение и другой момент: один из аргументов против концепции феодализма на Востоке состоял в том, что она постулировала неизменность его общества в течение примерно пяти тысяч лет⁶⁰. Однако если уже к концу III тысячелетия до н. э. в Месопотамии существовало развитое рабовладельческое общество, то невольно возникал вопрос, почему для его перехода на следующий этап формационного развития потребовалось огромное, по сравнению с античностью, время.

²¹ Исходя из этих соображений, приходится констатировать, что пожеланиям «заказчиков» Струве в большей степени отвечало бы построение схемы своего рода «советского Мейера», в котором, при констатации рабовладельческого характера всех древних обществ Восток и античность были бы все-таки четко разведены стадильно. Коррективы к схеме Струве, введенные Ковалевым, сводились, по сути дела, именно к этому. Струве их принял (и, судя по складу его характера, вряд ли сильно жалел об этой уступке⁶¹); однако в результате этого его концепция утратила свою оригинальность, а в определенной мере и последовательность.

Примечания:

1. Кириллова М. Н. «Я — фактопоклонник»: С. А. Жебелёв и советская наука о древности в начале 1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 1 (87). [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#); Алипов П. А. Становление иконографического метода в ранних работах М. И. Ростовцева // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 4 (102). [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).

2. См. теперь о В. В. Струве в обобщающем аспекте: Бухарин М. Д. Наука и идеология на рубеже 1930—1940-х гг.: к реконструкции научной биографии В. В. Струве // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 4 (114). [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).

3. Струве В. В. Египет. Древняя история (до арабского завоевания) // Большая советская энциклопедия. Т. 24. М.: Советская энциклопедия, 1932. С. 356—371.

4. Ладынин И. А. Концепция феодализма на древнем Востоке и работы В. В. Струве 1910-х гг. — начала 1930-х гг. // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 261—262.

5. Академическое дело, 1929—1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / ред. Леонов В. П. СПб.: Библиотека Российской академии наук, 1993—2015. Вып. 1—9.

6. См., с подробными отсылками к документам ГАИМК в Рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН: Ладынин И. А. В. В. Струве и Государственная академия истории материальной культуры в 1932—1933 гг. (по материалам Рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН) // Вестник древней истории. 2022. Т. 83. № 3. С. 715—735.

7. Крих С. Б. Образ древности в советской историографии. М.: КРАСАНД, 2013. Размышляя о марксизме. С. 119—120; см. также о судьбе «специфически советского» историописания 1920-х – начала 1930-х гг.: Иванова А. В., Карпюк С. Г. Обреченный проект: Институт истории Коммунистической академии и его наследие // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 1 (87). [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
8. РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. (1933). Д. 34. Л. 14—16; Ладынин И. А. «Проверка основных тезисов, на которых покоится циклическая концепция Эд. Мейера»: План работы В. В. Струве в ГАИМК в 1933 г. и его обсуждение // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. 2022. Т. 9. № 3 (35). С. 291—304.
9. См. в целом: Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М.: Наука, 1977. С. 176—182; Ким О. В. Проблема азиатского способа производства в советской историографии (1920-е гг. — начало 1990-х гг.). Диссертация к. и. н. Кемерово, 2001. С. 71—85; Крих С. Б. Образ древности в советской историографии. М.: КРАСАНД, 2013. Размышляя о марксизме. С. 74—88.
10. О категории мушкенум в социальной терминологии старовавилонского периода см.: История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1: Месопотамия. М.: Наука, 1983. С. 374—379.
11. Отсылка к: Мейер Э. Рабство в древности. Петроград: Прибой, 1923. С. 31.
12. История древнего мира. Т. 1: Древний Восток. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 9, 13.
13. Крих С. Б. Образ древности в советской историографии. М.: КРАСАНД, 2013. Размышляя о марксизме. С. 122.
14. См. о генезисе и истории этой концепции, с подробными отсылками к работам Струве: Ильин-Томич А. А. Социальный переворот в Египте в трудах В. В. Струве // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 2 (4). С. 35—46; Ладынин И. А. «Социальная революция» в древнем Египте: полемика и конфликт между В. В. Струве и С. Я. Лурье в 1920-е гг. // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2021. Т. 163. № 6. С. 127—143.
15. См. о нем (впечатления очевидца): Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. СПб.: Европейский дом, 1995. С. 276—279; Крих С. Б. Образ древности в советской историографии. М.: КРАСАНД, 2013. Размышляя о марксизме. С. 90—94.
16. Струве В. В. Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.: Соцэкгиз, 1934. Вып. 77.
17. Струве В. В. Очерки социально-экономической истории древнего Востока // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. Вып. 97; о реализации в этой брошюре, видимо, написанной в течение 1933 г., заявленного Струве плана работы, см.: Ладынин И. А. «Проверка основных тезисов, на которых покоится циклическая концепция Эд. Мейера»: План работы В. В. Струве в ГАИМК в 1933 г. и его обсуждение // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9. № 3 (35). С. 291—304.
18. Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М.: Наука, 1977. С. 182—184; Неронова В. Д. Формы эксплуатации в древнем мире в зеркале отечественной историографии. М.: Издательство Пермского университета, 1992. С. 22—28; Ким О. В. Проблема азиатского способа производства в советской историографии (1920-е гг. — начало 1990-х гг.). Диссертация к. и. н. Кемерово, 2001. С. 86.
19. Крих С. Б. Струвианская теория о рабовладении на Древнем Востоке // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: материалы XII межвузовской региональной научной конференции. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2012. С. 153—155; Крих С. Б. Образ древности в советской историографии. М.: КРАСАНД, 2013. Размышляя о марксизме. С. 94—106.
20. Здесь и далее для удобства мы ссылаемся на страницы публикации доклада В. В. Струве непосредственно в основном тексте нашей статьи.
21. См., в частности: Ладынин И. А. В начале пути: письмо В. В. Струве М. И. Ростовцеву от 25 мая 1914 г. // Вестник архивиста. 2020. № 4. С. 1119—1130; о следовании Ростовцева концепции Эд. Мейера см.: Фролов Э. Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 346—347, 364—365, 375.
22. О различии в целях накопления сокровищ на древнем Востоке и в античном мире: Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 13. С. 110 (используемый Струве перевод отличается от цитируемого издания); о древних Греции и Риме как странах «Во времена рабовладельческие наиболее передовых, культурных, цивилизованных, по-тогдашнему»: Ленин В. И. О государстве // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 39. С. 74 (Струве изменяет порядок слов в цитате). Примечательно фактически ложное цитирование Струве некоторых пассажей «классиков»; так, он приводит оборванную цитату Маркса: «И даже в наиболее развитой древности, у греков и римлян, полное развитие денег...», — относя ее к труду «К критике политической экономии» и считая, что она указывает на наивысший в древности уровень развития «греко-римского общества». На самом деле он имеет в виду следующую фразу из совсем другого текста Маркса: «И даже в наиболее развитой древности, у греков и римлян, полное развитие денег, которое составляет предпосылку современного буржуазного общества, отмечается только в период разложения» (Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 гг.) // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 12. С. 729; благодарим С. Б. Криха за указание этой

цитаты). Данное высказывание и правда подтверждает, что Маркс считал пиком развития древних обществ античность, однако Струве обрывает ту его часть, которая констатирует ограниченность развития товарно-денежных отношений даже на этом этапе и несколько расходится с его собственными построениями относительно обществ I тысячелетия до н. э. Далее, Струве пишет: «Согласно Энгельсу, гибнет подобно античному миру и древний Восток: “Из-за этого разделения людей друг от друга [вследствие свирепствовавших там религиозных запретов] Древний Восток главным образом и погиб”». На самом деле текст статьи Энгельса «Бруно Бауэр и первоначальное христианство» следующий: «В то время как Рим и Греция в этом отношении проявляли терпимость, на Востоке свирепствовала система религиозных запретов, которая не мало способствовала наступившему в конце концов упадку. Люди двух разных религий — египтяне, персы, евреи, халдеи — не могут вместе ни пить, ни есть, не могут выполнить совместно ни одного самого обыденного дела, едва могут разговаривать друг с другом. Это отделение человека от человека было одной из основных причин гибели Древнего Востока» (Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 19. С. 313). Иными словами, если Струве приводит слова Энгельса, чтобы продемонстрировать общность одной из причин гибели древних обществ и Востока, и античности, то сам Энгельс, в действительности, их именно в этом отношении разделяет; общим оказывается разве что то, что и те и другие погибли. Такое характер использования Струве цитат «классиков» убеждает, с одной стороны, в его сугубо декоративных целях, а с другой — в очень своеобразном знакомстве с этими текстами курировавших работу Струве и других ученых ГАИМК ее партийных руководителей, которые, казалось бы, должны были знать труды «классиков» досконально (см.: Формозов А. А. ГАИМК как центр советской исторической мысли в 1932—1934 гг. // Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак, 2006. С. 162—184).

23. Schneider A. Die Anfänge der Kulturwirtschaft: die sumerische Tempelstadt. Essen: Baedeker, 1920; С. 91. Прим. 9 и сл.; Струве В. В. Очерки социально-экономической истории древнего Востока // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л.: Соцэргиз, 1934. Вып. 97. С. 30—31. Прим. 3 и сл. Струве использует публикацию А. Даймелем хозяйственных текстов из Фары (Deimel A. Wirtschaftstexte aus Fara. Leipzig: J. C. Hinrich, 1924 (Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft; 45); С. 96, прим. 80 и сл.), но его обобщающая работа по шумерскому храмовому хозяйству в конце Раннединастического периода в истории Месопотамии (Deimel A. Sumerische Tempelwirtschaft zur Zeit Urukaginas und seiner Vorgänger Abschluss der Einzelstudien und Zusammenfassung der Hauptresultate. Roma: Pontificio Istituto Biblico, 1931) была Струве, видимо, недоступна. См. оценку этого круга исследований 1920-х гг. — начала 1930-х гг., выдвинувших теорию «храмовой экономики» в Месопотамии: Историография истории древнего Востока. Учебник для вузов / ред. Кузищин В. И. Ч. 1. М.: Высшая школа, 2008. С. 392—397.

24. См., например: Кошеленко Г. А. Древнегреческий полис // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 1. М., 1983. С. 9—17.

25. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 46. Ч. 1. С. 461—508; см. Кошеленко Г. А. Древнегреческий полис // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 1. М., 1983. С. 13—14.

26. Эта рукопись Маркса была впервые опубликована на русском языке в конце 1939 г. (Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Пролетарская революция. 1939. № 3. С. 149—186), а в 1940 г. издана отдельной брошюрой (Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М.: Политиздат, 1940). См.: Мусто М. Распространение и изучение «Грундриссе» в мире // Российский экономический журнал. 2008. № 11. С. 20. Прим. 5.

27. Дьяконов И. М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития // История древнего мира. Т. 1: Ранняя древность. М., 1989. С. 39—42. Для удобства мы цитируем этот теоретический очерк И. М. Дьяконова, опубликованный сравнительно поздно и содержащий убогие формулировки, однако фактически эта идея сложилась у него еще в начале научного пути и приобрела стройность уже в работах 1960-х гг.

28. Дьяконов И. М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития // История древнего мира. Т. 1: Ранняя древность. М., 1989. С. 44; ср. Всемирная история. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 140 (кажется, здесь эта мысль Дьяконова сформулирована им в разделе, написанном совместно с Г. Ф. Ильиным, впервые).

29. См.: Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. СПб.: Европейский дом, 1995; Крих С. Б. И. М. Дьяконов против В. В. Струве: полемика на полях Шумера // Вестник древней истории. 2016. Т. 76. № 4. С. 1011—1029.

30. См. о взаимосвязи некоторых тезисов Дьяконова с тезисами других ученых, прежде всего тех, с кем он соприкасался лично, а также был близок: Ладынин И. А. «Мировые державы» Ближнего и Среднего Востока I тысячелетия до н. э. в теоретических схемах советской и постсоветской историографии древности // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 1 (52). С. 122.

31. Струве ссылается при этом на египетское «Поучение царю Мерикара», автор которого царь X гераклеопольской династии Ахтой Уахкара (середина XXI в. до н. э.) предостерегает своего сына «от богатого человека, которого “любят горожане, сторонники которого многочисленны в своей совокупности... и прекрасен он перед своими рабами (буквально: телами, ср. греческое “сомата”))”. Последний пассаж перевода относится к фразе an sw m-Hr Dt.f (pErm. 1116A. 23; пер. А. Е. Демидчика: «...и он хорош перед своими людьми»), в которой употреблен термин Dt, действительно обозначающий зависимых людей. Вместе с тем их собственно рабский статус вызывает серьезные сомнения по самому смыслу пассажа: чтобы они выступили в качестве «группы поддержки» своего господина в политической борьбе, тот должен завоевать их доверие, стало быть, их зависимость от него не абсолютна. См.: Демидчик А. Е. Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб.: Алетей, 2005. С. 192 (перевод), 203. Прим. 12 (отсылка к литературе по

данному термину).

32. Ср. с тезисом Эд. Мейера об исключительно высоком, большем, чем в иные эпохи истории Египта, распространении там рабства в это время: Мейер Эд. Экономическое развитие древнего мира. М.: Мир, 1910. С. 17—18.
33. См. обзор литературы: Кузищин В. И. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. — I в. н. э. М.: Издательство Московского университета, 1973. С. 5—9.
34. Вебер М. Аграрная история древнего мира. М.: Сабашниковы, 1925. С. 36—37. Неясно, каких именно «сторонников феодализма в Египте» имел в виду Струве, однако в 1920-е гг. идеи Вебера привлекали внимание отечественных медиевистов, в частности, инициировавших публикацию переводов его трудов: Мильская Л. Т. Дмитрий Моисеевич Петрушевский // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история / отв. ред. Севостьянов Г. Н. М.; Иерусалим: Университетская книга; Gesharim, 2000. С. 135—136, 139—140; Мильская Л. Т. Александр Иосифович Неусыхин // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история / отв. ред. Севостьянов Г. Н. М.; Иерусалим: Университетская книга; Gesharim, 2000. С. 207, 209.
35. См. об этой интерпретации Струве и полемике вокруг нее: Неронова. Формы эксплуатации С. 29—31, 51—60; Крих С. Б. Плановая экономика от Шумера до Советского Союза: судьба древней империи глазами современных историков // *Ab imperio*. 2015. № 3. С. 264—270.
36. Ладынин И. А. Об одной забытой «революции рабов» в научном творчестве В. В. Струве 1930—1940-х гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2021. Т. 8. № 4 (32). С. 183—193.
37. Ковалев С. И. Проблема социальной революции в античном обществе // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 76. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. С. 27—61; Крюгер О. О. Рабские восстания II—I вв. до н. э. как начальный этап революции рабов // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 76. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. С. 111—131; см. Крих С. Б. Образ древности в советской историографии. М.: КРАСАНД, 2013. Размышляя о марксизме. С. 122.
38. Мейер Эд. Экономическое развитие древнего мира. М.: Мир, 1910. С. 18—19; ср. с аналогичными суждениями о широком развитии торговли на древнем Востоке I тысячелетия до н. э. в статье в БСЭ: Струве В. В. Египет. Древняя история (до арабского завоевания) // Большая советская энциклопедия. Т. 24. М.: Советская энциклопедия, 1932. С. 366—367; Ладынин И. А. Концепция феодализма на древнем Востоке и работы В. В. Струве 1910-х гг. — начала 1930-х гг. // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 262.
39. Meissner V. Babylonien und Assyrien. Heidelberg: Winter, 1920. S. 297.
40. Дьяконов И. М., Якобсон В. А., Янковская Н. Б. Общие черты второго периода древней истории // История древнего мира / ред. Дьяконов И. М., Неронова В. Д., Свенцицкая И. С. Т. 2. Расцвет древних обществ. М., 1989. С. 18—19.
41. Стоит, кстати, заметить, что, при заявленном критическом и даже неприязненном отношении к своему научному руководителю В. В. Струве, сближал вавилонское общество I тысячелетия до н. э. с античным В. А. Белявский: Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М.: Мысль, 1971; Крих С. Другая история. «Периферийная» советская наука о древности. М.: НЛО, 2020. С. 253—264.
42. Струве В. В. Очерки социально-экономической истории древнего Востока // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. Вып. 97. С. 45—66.
43. Там же. С. 57.
44. Там же. С. 63.
45. Крих С. Б. Как не написать главный труд всей жизни: случай академика В. В. Струве // Мир историка. Историографический сборник / ред. Корзун В. П. Вып. 10. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2015. С. 241—273.
46. Ладынин И. А. Концепция феодализма на древнем Востоке и работы В. В. Струве 1910-х гг. — начала 1930-х гг. // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 259—263.
47. Неслучайно практически синхронно с очень близких позиций выступает московский египтолог В.И. Авдиев, неизменно следивший за конъюнктурой: Ладынин И. А. На пути к концепции рабовладения на Древнем Востоке: работа В. И. Авдиева «Элементы древневосточного общества» (1933) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 1 (87). URL: [>>>>](#).
48. Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. СПб.: Европейский дом, 1995. С. 262—263.
49. Струве В. В. История древнего Востока. Краткий курс. М.: Соцэкгиз, 1934. С. 3—14.
50. Там же. С. 16—18, 21.
51. Там же. С. 21.
52. Там же. С. 32—34 (Египет), 58—59 (Месопотамия).

53. См.: Прим. 51.
54. История древнего мира. Т. 1: Древний Восток. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 392—394.
55. Там же. С. 93—98.
56. Там же. С. 7.
57. Там же.
58. Струве В. В. История древнего Востока. Л.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. С. 6—7.
59. См. об этом: Ладынин И. А. «Своевременный феодализм»: образ древнего Египта в работах Д. А. Ольдерогге 1920-х гг. // *Scripta antiqua*. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. 7. М.: Собрание, 2019. С. 438—439.
60. Ср. с высказыванием самого Струве в дискуссии 1931 г., в которой он отстаивал концепцию «азиатского способа производства» на Востоке и конкретно в Египте: «Если говорить, что все является феодализмом, то мы получаем феодальную кашу в буквальном смысле от Вавилона до Наполеона» (Дискуссия об азиатском способе производства. По докладу М. С. Годеса. М.: УРСС, 2009. С. 94).
61. Ладынин И. А. Концепция феодализма на древнем Востоке и работы В. В. Струве 1910-х гг. — начала 1930-х гг. // *Диалог со временем*. 2019. № 69. С. 263—264.
-

Библиография:

1. Академическое дело, 1929—1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / ред. Леонов В. П. СПб.: Библиотека Российской академии наук, 1993—2015. Вып. 1—9.
2. Алипов П. А. Становление иконографического метода в ранних работах М. И. Ростовцева // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2021. Т. 12. Вып. 4 (102). URL: <https://history.jes.su/s207987840002343-6-1/> DOI: 10.18254/S207987840002343-6
3. Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М.: Мысль, 1971.
4. Бухарин М. Д. Наука и идеология на рубеже 1930—1940-х гг.: к реконструкции научной биографии В. В. Струве // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2022. Т. 13. Вып. 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840021203-2-1/> DOI: 10.18254/S207987840021203-2
5. Вебер М. Аграрная история древнего мира. М.: Сабашниковы, 1925.
6. Демидчик А. Е. Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб.: Алетейя, 2005.
7. Дискуссия об азиатском способе производства. По докладу М. С. Годеса. М.: УРСС, 2009.
8. Дьяконов И. М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития // *История древнего мира*. Т. 1: Ранняя древность. М., 1989. С. 31—57.
9. Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. СПб.: Европейский дом, 1995.

10. Дьяконов И. М., Якобсон В. А., Янковская Н. Б. Общие черты второго периода древней истории // История древнего мира / ред. Дьяконов И. М., Неронова В. Д., Свенцицкая И. С. Т. 2. Расцвет древних обществ. М., 1989. С. 5—26.
11. Иванова А. В., Карпюк С. Г. Обреченный проект: Институт истории Коммунистической академии и его наследие // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 1 (87). URL: <https://history.jes.su/s207987840008183-0-1/> DOI: 10.18254/S207987840008183-0
12. Ильин-Томич А. А. Социальный переворот в Египте в трудах В. В. Струве // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 2 (4). С. 35—46.
13. Историография истории древнего Востока. Учебник для вузов / ред. Кузищин В. И. Ч. 1. М.: Высшая школа, 2008.
14. История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1: Месопотамия. М.: Наука, 1983. С. 374—379.
15. История древнего мира. Т. 1: Древний Восток. М.: Соцэкгиз, 1937.
16. Ким О. В. Проблема азиатского способа производства в советской историографии (1920-е гг. — начало 1990-х гг.). Диссертация к. и. н. Кемерово, 2001.
17. Кириллова М. Н. «Я — фактопоклонник»: С. А. Жебелёв и советская наука о древности в начале 1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 1 (87). URL: <https://history.jes.su/s207987840008205-4-1/> DOI: 10.18254/S207987840008205-4
18. Ковалев С. И. Проблема социальной революции в античном обществе // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 76. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. С. 27—61.
19. Кошеленко Г. А. Древнегреческий полис // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 1. М., 1983. С. 9—37.
20. Крих С. Б. И. М. Дьяконов против В. В. Струве: полемика на полях Шумера // Вестник древней истории. 2016. Т. 76. № 4. С. 1011—1029.
21. Крих С. Б. Как не написать главный труд всей жизни: случай академика В. В. Струве // Мир историка. Историографический сборник / ред. Корзун В. П. и др. Вып. 10. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2015. С. 241—273.
22. Крих С. Б. Образ древности в советской историографии. М.: КРАСАНД, 2013. Размышляя о марксизме.

23. Крих С. Б. Плановая экономика от Шумера до Советского Союза: судьба древней империи глазами современных историков // *Ab imperio*. 2015. № 3. С. 255—291.
24. Крих С. Б. Струвианская теория о рабовладении на Древнем Востоке // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: материалы XII межвузовской региональной научной конференции. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2012. С. 153—170.
25. Крих С. Другая история. «Периферийная» советская наука о древности. М.: НЛО, 2020.
26. Крюгер О. О. Рабские восстания II—I вв. до н. э. как начальный этап революции рабов // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 76. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. С. 111—131.
27. Кузищин В. И. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. — I в. н. э. М.: Издательство Московского университета, 1973.
28. Ладынин И. А. «Мировые державы» Ближнего и Среднего Востока I тысячелетия до н. э. в теоретических схемах советской и постсоветской историографии древности // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 1 (52). С. 118—128.
29. Ладынин И. А. «Проверка основных тезисов, на которых покоится циклическая концепция Эд. Мейера»: План работы В. В. Струве в ГАИМК в 1933 г. и его обсуждение // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9. № 3 (35). С. 291—304.
30. Ладынин И. А. «Своевременный феодализм»: образ древнего Египта в работах Д. А. Ольдерогге 1920-х гг. // *Scripta antiqua*. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. 7. М.: Собрание, 2019. С. 433—446.
31. Ладынин И. А. «Социальная революция» в древнем Египте: полемика и конфликт между В. В. Струве и С. Я. Лурье в 1920-е гг. // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2021. Т. 163. № 6. С. 127—143.
32. Ладынин И. А. В начале пути: письмо В. В. Струве М. И. Ростовцеву от 25 мая 1914 г. // Вестник архивиста. 2020. № 4. С. 1119—1130.
33. Ладынин И. А. В. В. Струве и Государственная академия истории материальной культуры в 1932—1933 гг. (по материалам Рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН) // Вестник древней истории. 2022. Т. 82. № 3. С. 715—735.
34. Ладынин И. А. Концепция феодализма на древнем Востоке и работы В. В. Струве 1910-х гг. — начала 1930-х гг. // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 250—

35. Ладынин И. А. На пути к концепции рабовладения на Древнем Востоке: работа В. И. Авдиева «Элементы древневосточного общества» (1933) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 1 (87). URL: <https://history.jes.su/s207987840008294-2-1/> DOI: 10.18254/S207987840008294-2
36. Ладынин И. А. Об одной забытой «революции рабов» в научном творчестве В. В. Струве 1930—1940-х гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2021. Т. 8. № 4 (32). С. 183—193.
37. Ленин В. И. О государстве // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 39. С. 64—84.
38. Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 гг.) // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 12. С. 709—738.
39. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 13. С. 1—167.
40. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Пролетарская революция. 1939. № 3. С. 149—186.
41. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 46. Ч. 1. С. 461—508.
42. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М.: Политиздат, 1940.
43. Мейер Эд. Рабство в древности. Петроград: Прибой, 1923.
44. Мейер Эд. Экономическое развитие древнего мира. М.: Мир, 1910.
45. Мильская Л. Т. Александр Иосифович Неусыхин // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история / отв. ред. Севостьянов Г. Н. М.; Иерусалим: Университетская книга; Gesharim, 2000. С. 207—216.
46. Мильская Л. Т. Дмитрий Моисеевич Петрушевский // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история / отв. ред. Севостьянов Г. Н. М.; Иерусалим: Университетская книга; Gesharim, 2000. С. 133—142.
47. Мусто М. Распространение и изучение «Грундриссе» в мире // Российский экономический журнал. 2008. № 11. С. 17—24.
48. Неронова В. Д. Формы эксплуатации в древнем мире в зеркале отечественной историографии. М.: Издательство Пермского университета, 1992.
49. Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М.: Наука, 1977.

50. Струве В. В. Египет. Древняя история (до арабского завоевания) // Большая советская энциклопедия. Т. 24. М.: Советская энциклопедия, 1932. С. 356—371.
51. Струве В. В. История древнего Востока. Краткий курс. М.: Соцэкгиз, 1934.
52. Струве В. В. История древнего Востока. Л.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941.
53. Струве В. В. Очерки социально-экономической истории древнего Востока // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. Вып. 97.
54. Струве В. В. Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.: Соцэкгиз, 1934. Вып. 77.
55. Формозов А. А. ГАИМК как центр советской исторической мысли в 1932—1934 гг. // Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак, 2006. С. 162—184.
56. Фролов Э. Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999.
57. Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 19. С. 306—314.
58. Deimel A. Sumerische Tempelwirtschaft zur Zeit Urukaginas und seiner Vorgänger Abschluss der Einzelstudien und Zusammenfassung der Hauptresultate. Roma: Pontificio Istituto Biblico, 1931.
59. Deimel A. Wirtschaftstexte aus Fara. Leipzig: J. C. Hinrich, 1924 (Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft; 45).
60. Meissner B. Babylonien und Assyrien. Heidelberg: Winter, 1920—1925. Bd. I—II.
61. Schneider A. Die Anfänge der Kulturwirtschaft: die sumerische Tempelstadt. Essen: Baedeker, 1920.

“Slavery 1.0”: the Concept of the Ancient Oriental Slave- Owning Societies in the Works by Vassiliy Struve of 1933 —1934 and Its Perspective

Ivan Ladynin

Lomonosov Moscow State University

Higher School of Economics

Russian Federation, Moscow

Abstract

The article presents a detailed analysis of arguments forwarded by a leading Soviet Orientalist Vassiliy Struve (1889—1965) for his thesis about the existence of the slave-owning mode of production at the Ancient Orient. This thesis was formulated in his lecture at the State Academy for the History of Material Culture (GAIMK) on 4 June 1933 and in a number of publications of 1934. Backing this thesis with the Ancient Near Eastern evidence and building around it a rather vast scheme positioned as an alternative to the cyclist theory of Eduard Meyer was a realization of tasks put before Struve at his job at GAIMK, as can be seen from the preserved plan of his work there for the year 1933. According to Struve’s scheme, the evolution of slavery in the earliest irrigation societies of Egypt and Mesopotamia started with the collective property of rural communities on slaves employed in the build-up of the irrigation systems (canals, dams etc.). There eventually developed the individual property on slaves and the vast slave-owning latifundia, which have already existed in Mesopotamia under Ur-III and in the New Kingdom Egypt. In the 1st Millennium B. C. the development of slavery in Mesopotamia and Egypt was comparable with that in the societies of Classical Antiquity. Struve pointed out a number of slaves’ uprisings at the Ancient Near East starting from the 2nd Millennium B. C. and explained the downfall of ancient societies at the East with the “slave revolution”, like at the West. Struve’s scheme revealed an emphasis on a rather high development of slavery at the Ancient Orient and parallels between its social phenomena and those of Ancient Greece and Rome. However, this emphasis vanished from his later texts, probably, due to a demand to show the Ancient Oriental societies as a phase preceding the Classical Antiquity, in compliance with the general trend of the world historiography.

Keywords: Vassiliy Struve, Ancient Orient, Egypt, Mesopotamia, Classical Antiquity, slavery, Ed. Meyer

Publication date: 15.03.2023

Citation link:

Ladynin I. “Slavery 1.0”: the Concept of the Ancient Oriental Slave-Owning Societies in the Works by Vassiliy Struve of 1933—1934 and Its Perspective // ISTORIYA – 2023. – V. 14. – Issue 2 (124) [Electronic resource]. URL:

<https://history.jes.su/S207987840024494-2-1> (circulation date: 30.10.2023). DOI:
10.18254/S207987840024494-2

Код пользователя: 11760; Дата выгрузки: 30.10.2023; URL - <http://ras.jes.su/history/s207987840024494-2-1> Все права защищены.